

ДИСКУССИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И УЧЕНИИ БОСНИЙСКОЙ ЦЕРКВИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Протоиерей Владимир Василик

*Доктор исторических наук, кандидат богословия, кандидат филологических наук;
профессор СДА, профессор СПбГУ, профессор НУПДС, профессор ПДС (Россия)*
v.vasilik@spbu.ru

Илья Булатович Макаров

Магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)
sto76099@student.spbu.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_91

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии вопроса о происхождении средневековой Боснийской церкви. Данная церковь, возникновение и характер вероучения которой до сих пор остаются предметом дискуссии в научном сообществе, представляет собой проблематичный феномен истории Западных Балкан XIII–XV вв. Одни авторы считали Боснийскую церковь последним очагом богомильской ереси, другие возражали им, настаивая на ее самобытном характере и тесной связи с восточным Православием. Целью настоящей статьи было выявить основные течения в отечественной и зарубежной историографии Боснийской церкви, представив историю развития дискуссии по вопросу ее происхождения и вероучения. В этом мы полагались на сочетание историко-сравнительного и генетического методов. На основании изученной литературы делается вывод, что дуалистическая интерпретация учения Боснийской церкви в современной историографии постепенно уступает место новым интерпретациям, учитывающим сложный многоконфессиональный ландшафт средневековой Боснии.

Ключевые слова: Босния, Боснийская церковь, богомилство, манихейство, гностицизм, ересь, церковная история.

Для цитирования: *Василик Владимир, протоиерей., Макаров И. Б. Дискуссия о происхождении и учении Боснийской церкви: историческая*

ретроспектива // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2024. № 4 (12). С. 91–105. DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_91

DEBATE ON THE ORIGINS AND TEACHINGS OF THE BOSNIAN CHURCH: A HISTORICAL RETROSPECTIVE

Protodeacon Vladimir Vasilik

*Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Professor,
Associate Professor of the St. Petersburg State University (Russia)*
v.vasilik@spbu.ru

Ilya Bulatovich Makarov

Master's student at Saint Petersburg State University (Russia)
sto76099@student.spbu.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_91

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historiography of the issue of the origin of the medieval Bosnian Church. This church, whose origin and the nature of whose doctrine are still the subject of debate in the scientific community, is a problematic phenomenon in the history of the Western Balkans in the 13th–15th centuries. Some authors considered the Bosnian Church to be the last hotbed of the Bogomil heresy, while others objected, insisting on the distinctive character of the Bosnian Church and its close ties with Eastern Orthodoxy. The purpose of this article was to identify the main trends in the domestic and foreign historiography of the Bosnian Church, presenting the history of the development of the debate on the issue of its origin and doctrine. In this, we relied on a combination of historical-comparative and genetic methods. Based on the studied literature, it is concluded that the dualistic interpretation of the nature of the Bosnian Church in modern historiography is gradually giving way to new interpretations that take into account the complex multi-confessional landscape of medieval Bosnia.

Keywords: Bosnia, Bosnian Church, Bogomilism, Manichaeism, Gnosticism, heresy, church history.

For citation: *Vasilik V., protodeacon, Makarov I. B.* Debate on the origins and teachings of the Bosnian Church: a Historical Retrospective // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2024. No. 4 (12). Pp. 91–105. DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_91

Проблема происхождения и характера вероучения Боснийской церкви по сей день вызывает оживленные дискуссии в исторической науке. Главным предметом разногласий в рамках данной дискуссии является вопрос о том, было ли учение Боснийской церкви по своему содержанию манихейским и ведет ли она свое происхождение от ереси богомилов? От ответа на эти вопросы во многом зависит то, возможно ли выстроить единую генеалогию, которая бы связала гностические учения античного Востока и дуалистические ереси средневековой Западной Европы, такие как движения катаров и альбигойцев.

Истоки данной дискуссии можно проследить начиная с XIX в., когда науке были открыты местные балканские источники, проливающие свет на историю данной церкви, тогда как раньше судить о ней было возможно, опираясь лишь на свидетельства латинских авторов. Кроме того, будучи веком национализма, XIX в. способствовал пробуждению интереса к национальной истории у представителей южнославянской интеллигенции. Поскольку Босния заняла важное место в сербохорватском конфликте «идеальных отечеств», постольку вопрос об учении Боснийской церкви оказался поставлен в зависимость от вопроса об исторических судьбах средневековой Боснии.

Родоначальником теории о принадлежности к манихейству средневековой Боснийской церкви был сербский историк Божидар Петранович, хотя он же заложил основу для ее православной интерпретации. Изначально Петранович полагал Церковь боснийскую православной, но подпавшей под влияние пришедших в Боснию с территории Сербии македонских богомилов. Он также считал, что это влияние затронуло в основном организационную сторону жизни церкви, в то время как ее вероучение практически не претерпело изменений [Петрановић 1867: 64–82].

Версия Петрановича, видимо, как носившая в себе зачатки православной интерпретации, была решительно отвергнута видным представителем хорватской национальной историографии Франьо Рачки. Опираясь на свой богатый опыт работы с латинскими источниками по истории махихейства, он развивал версию о еретическом происхождении Боснийской церкви. Впрочем, после ознакомления со славянскими источниками, такими как «Хвалов сборник», Рачки был вынужден смягчить свои суждения. Он предположил, что дуализм в учении Боснийской церкви не имел столь радикального характера, как у альбигойцев, и со временем смягчался, по мере того как еретики возвращались к истинной вере [Rački 1931: 84–179]. На протяжении последующих десятилетий дуалистическая интерпретация, сформулированная Рачки, возобладавала в исторической науке. По мнению В. Н. Кухаренко, на популярности православной интерпретации негативно сказалась ее тесная связь с «великосербской» трактовкой истории Боснии [Кухаренко 2019: 183–186].

Как видно, представители обоих течений признавали сложное переплетение на территории Боснии в XIII–XIV вв. православного и еретического влияний, хотя по-разному расставляли акценты при оценке степени данного влияния на Церковь боснийскую. Сторонники православной интерпретации настаивали на том, что в Боснии даже с приходом еретиков на рубеже XII–XIII вв. сохранились многочисленные сторонники неповрежденного Православия, хотя их церковная организация распалась либо исказилась под воздействием еретиков. На это сторонники дуалистической интерпретации отвечали им, что со временем Церковь боснийская либо вся уклонилась в ересь, либо изначально была сформирована еретиками, в то время как ее гипотетическая православная предшественница является не более чем историографическим фантомом.

Проблема происхождения и характера Боснийской церкви в дореволюционной, советской и современной российской историографии

В отечественной историографии еще до революции 1917 г. появилась точка зрения, согласно которой богомильское движение якобы являлось выражением «исконно славянского» религиозного характера и предшественником движения гуситов. А. Н. Веселовский писал, что явлением

богомилства «славянские народы в первый раз, до появления Гуса, вносят в общеевропейскую жизнь свой интеллектуальный вклад, оставивший прочные следы на всем развитии средневековой культуры» [Веселовский 1872: 682–722]. В подобной оценке исторического значения богомилства соглашался с Веселовским М. И. Соколов [Соколов 1888: 112]. Русский историк-медиевист Н. А. Осокин в книге «История альбигойцев и их времени» (1869) восхваляет богомилство как явление истории «свободомыслящих славян восточного вероисповедания», которое оказало значительное влияние на всю последующую историю Западной Европы [Осокин 2000: 137–154]. Все названные авторы считали Боснию бесспорным очагом распространения богомилской ереси в ее пути на запад европейского континента.

Другого рода сторонником дуалистической интерпретации учения Боснийской церкви в России можно назвать профессора кафедры богословия Императорского Харьковского университета, священника Н. С. Стеллецкого. В изданной в 1902 г. в Санкт-Петербурге книге «Болгарская ересь богомилов» им была предпринята смелая попытка проследить богомилский след в возникновении в России движений молокан, хлыстов и стригольников. Впрочем, по-видимому, исследователь не уделял слишком много внимания дискуссии вокруг вопроса о происхождении Боснийской церкви, поэтому в его работе Босния однозначно названа в качестве «очага распространения гностицизма», откуда тот, по мнению автора, проник в средневековую Францию [Стеллецкий 1902: 18–34].

Таким образом, дискуссия о происхождении и характере учения Боснийской церкви преимущественно миновала дореволюционную отечественную историографию, поскольку оценки богомилства в ней связывались с его предполагаемым влиянием на другие религиозные движения. Одни авторы, такие как Н. А. Осокин или А. Н. Веселовский, вероятно, под впечатлением национально-освободительного движения в Болгарии и других странах Балканского полуострова против османского владычества, положительно оценивали историческую роль богомилства, видя в нем раннее проявление «славянского вольнодумства». Другие авторы, такие как Н. С. Стеллецкий, напротив, критически оценивали богомилство и старались вывести из него корни происхождения российских сектантов. Любопытно то, что первая «славянофильская» интерпретация легла в основу оценки исторического значения богомилства в советской историографии.

На ее страницах Церковь боснийская также чаще всего представляла как ответвление ереси болгарских богомилов. Данное объяснение было удобно, поскольку позволяло дать обоим движениям сходную классовую интерпретацию: богомилство в советской историографии рассматривалось не как еретическое учение в рамках христианства, но как выражение классовой борьбы беднейших слоев болгарского народа против угнетения со стороны властей Византийской империи. О. Э. Лейст писал: «Влияние, оказанное славянскими борцами против феодализма на общественно-политическую мысль Западной Европы, имело громадное прогрессивное значение для западноевропейского общества <...> подготовив победу Реформации» [Лейст 2009: 21]. Ю. В. Бромлей указывал в качестве общих черт богомилства и Боснийской церкви широкое распространение среди простого народа, а также антифеодальную и антиклерикальную направленность обоих движений [Бромлей 1963: 90].

То, что стремление советской историографии отыскать след богомилства в Боснии и странах Западной Европы вдохновлялось классовой переоценкой предшествовавшей национально-романтической тенденции, становится ясно в связи с мнением болгарской историографии. Болгарский исследователь богомилства и первооткрыватель «славяно-болгарской» истории Й. Иванов писал о значительных последствиях «влияния богомилства на Западную Европу», которое «вызвало потрясения, отразившиеся в религиозной, политической и социальной жизни католического мира» [Иванов 1970: 40]. Д. Ангелов в книге «Богомилство в Болгарии» утверждал, что это движение «сыграло большую роль в деле постепенного освобождения европейской мысли из цепей средневековой теократии» [Ангелов 1954: 165]. Как видно, болгарским ученым весьма симпатизировала мысль, что феномен средневековой истории их родины мог оказать судьбоносное влияние на историю Западной Европы.

В свою очередь З. В. Удальцова в предисловии к работе Д. Ангелова предостерегала от некритического отождествления богомилов с патаренами и альбигойцами, указывая на то, что все перечисленные движения складывались под воздействием времени и места своего возникновения [Ангелов 1954: 16]. В частности, трудно согласиться с исключительно простонародным характером Боснийской церкви, которая на определенных этапах своей истории пользовалась поддержкой банов Боснии. Более того, несправедливо это и в отношении богомилов, которых совет-

ская историография указывала в качестве предшественников Боснийской церкви. В таком источнике, как Житие Стефана Немани, где повествуется об изгнании богомилов в его правление из сербских земель, упоминается о том, что ересь имела приверженцев в числе представителей сербской властелы [Живот Стефана Немање од Стефана Первовенчаног 1924: 39]. О том, что ересь пользовалась популярностью у знати, пишет и Мавро Орбини, который сообщает о свержении сочувствующей патаренам знатью наследника жупана Мирослава в приморском княжестве Хум [Орбини 2015: 103–106].

С крушением Советского Союза и снятием накладываемых коммунистической идеологией препон на изучение духовной жизни Средневековья перед отечественными исследователями открылась возможность познакомиться с работами зарубежных коллег и взглянуть свежим взглядом на проблему происхождения Боснийской церкви.

Одной из наиболее значительных работ, посвященных этому вопросу, можно с уверенностью назвать статью О. А. Акимовой «Межконфессиональные отношения в Боснии (конец XIV–XV в.)». В ней она высказывает мнение, что хотя до XIII в. территория Боснии находилась под устойчивым православным влиянием, трудно вести речь о существовании на ее землях устойчивой православной церковной организации. С другой стороны, она замечает, что католики весьма смутно представляли специфику боснийской ереси, называя в качестве ее прародителей как патаренов, так и православных. Хотя обрядовая сторона жизни Боснийской церкви, несомненно, отличалась от жизни, например, соседней Сербской православной церкви, боснийские христиане не делали осудительных высказываний в адрес православного вероучения, и между ними и православными сохранялись устойчивые связи. Многие обвинения, которые выдвигались в адрес боснийских христиан католическими авторами, например, отказ от почитания креста, не находят подтверждения [Акимова 1999: 17–20].

Немало внимания богомильской проблематике было уделено в работах С. О. Егорова. С опорой на методы анализа данных исторических источников, сформулированные в рамках западного постструктурализма, автор приходит к выводу, что единая генеалогия гностических ересей в большей степени является плодом творчества латинских авторов. С его точки зрения, помещение в рамки данной генеалогии «скрытой традиции»

богомиллов (а равно Боснийской церкви) носило в большей степени характер не столько сознательной мистификации, сколько господствовавшего в западном религиозном сознании стиля воображения ереси. Как считает исследователь, стремление найти у всех дуалистических ересей единый корень было естественным, поскольку их общим вдохновителем считался сам дьявол [Егоров 2019: 9–14]. Исследования С. О. Егорова намечают перспективу изучения истории Боснийской церкви с применением методов современных дискурсивных исследований.

Вопрос о происхождении дуалистической интерпретации учения Боснийской церкви, вероятно, прояснится при учете обстоятельств, при которых в адрес христиан Боснии впервые было выдвинуто обвинение в ереси Римско-Католической церковью. Первое упоминание о еретиках в Боснии встречается в переписке папы Иннокентия III с властителем Дукли Вуканом Неманичем, который обвинил в потворстве ереси боснийского бана Кулина [Vetera monumenta Slavorum meridionalium 1863: 8].

Дискуссия вокруг вопроса происхождения средневековой Боснийской церкви в основном обошла стороной дореволюционную российскую историографию, которая разделяла тезис о тождестве манихеев, богомилов и боснийских христиан. Советская историография, исходя из схожей посылки, дополнила данную картину классовой интерпретацией характера данных неортодоксальных религиозных движений. Отечественная историография имела склонность рассматривать богомилство не столько в качестве самобытного локального явления в истории средневековых Балкан, сколько через призму его влияния на историю Западной Европы. Советская оценка «прогрессивного» характера богомилского движения довела эту тенденцию до логического завершения, «наделив» богомилство едва ли не общемировым значением.

Дальнейшее движение в направлении раскрытия исторической и локальной специфики неортодоксальных религиозных движений Средневековья привело к тому, что после распада СССР в кругу отечественных исследователей появились сторонники критической интерпретации. Современная отечественная историография, посвященная проблеме характера Боснийской церкви, учитывает результаты исследований зарубежных коллег и, в общих чертах, разделяет с ними утверждение о сложном поликонфессиональном составе средневековой Боснии.

Дискуссия о происхождении и учении Боснийской церкви в зарубежной историографии

Распад Югославии вызвал к жизни новый виток полемики вокруг проблемы происхождения и характера Боснийской церкви. К числу новых веяний, которые обозначились с 1990-х гг., можно отнести как попытку возрождения православной интерпретации, так и складывание синкретической интерпретации, а также появление католической версии происхождения Боснийской церкви.

Показательным представляется факт издания в 1992 г. написанной за 50 лет до этого книги В. Глушаца, в которой автор выступил в защиту боснийских христиан, по его мнению, несправедливо обвиненных в ереси западными католиками из политических соображений, желая покорить Боснию своей власти [Глушак 2004: 103–161]. Современные сербские историки, такие как С. Чиркович, М. Динич и П. Чошкович, высказывают компромиссные суждения, согласно которым православная церковь в Боснии и патаренская ересь изначально существовали отдельно друг от друга, но впоследствии оказались тесно спаяны, отвечая на давление со стороны соседних католических стран [Ćirković 1987: 191–254].

Наконец, в Хорватии и в зарубежной историографии приобрела популярность «католическая» интерпретация Я. Шидака, по мнению которого Церковь боснийская не была заражена дуализмом, но имела независимую от Рима и Константинополя церковную организацию. Я. Шидак считает это первостепенной причиной наступления на нее с XIII в. сначала католиков, а впоследствии и православных [Šidak 1940: 112–114]. Как считает В. Н. Кухаренко, в настоящее время католическая интерпретация в небольшой степени смогла потеснить популярную прежде дуалистическую интерпретацию [Кухаренко 2019: 183–186].

Громким словом современных зарубежных исследований богомилства стала вышедшая в 2007 г. библиография его исследований за авторством болгарской исследовательницы Кристины Гечевой. Впрочем, в своем исследовании она не ограничивается одним только богомилством и рисует масштабную картину истории исследований неортодоксальных религиозных движений Античности и Средневековья, включая манихейство, учение альбигойцев и интересующую нас Боснийскую церковь. Несмотря на то, что приводимый ей список включает имена большинства известных балканских и иных зарубежных исследователей Боснийской церкви,

к изъянам работы можно отнести невнимание к советской и современной российской историографии [Гечева 2007: 158–169].

Экстравагантная интерпретация учения Боснийской церкви была выдвинута американским историком Л. П. Брокеттом (1820–1893). В изданной в 1879 г. книге «Богомилы Болгарии и Боснии» он предложил рассматривать богомилов и боснийских христиан в качестве протопротестантских движений средневековой Европы. Несмотря на предвзятость автора-баптиста в отношении католиков и православных, некоторые наблюдения привели его к выводам, схожим с теми, которые озвучивал Петранович. Так, Брокетт отмечал большую степень близости убеждений боснийских христиан к Писанию в сравнении с болгарскими богомилами [Brockett 1879: 60–62]. Тем не менее данное обстоятельство не отменяет в корне неверную тенденцию Брокетта рассматривать религиозную историю Восточной Европы исключительно через призму истории Западной Европы, будь то Альбигойские войны или зарождение протестантизма.

Подробную историю возникновения Боснийской церкви представил в своей книге «Средневековые манихеи. Исследование средневековой дуалистической ереси» британский историк Стивен Рансимен. Хотя он исходит из устоявшегося представления о боснийских христианах как о наследниках богомилов, он все же обращает внимание на то обстоятельство, что направленные в Боснию в правление бана Кулина легаты не концентрировали внимания на противоречии убеждений боснийских христиан учению Католической церкви. Вместо этого те сосредоточили свои усилия на том, чтобы привести обряды боснийских христиан в соответствие с римскими стандартами. Это, с другой стороны, не помешало Рансимену вольно употреблять в тексте книги термины «богомилы» и «патарены» по отношению к Боснийской церкви, как если бы речь шла о трех совершенно идентичных явлениях [Runciman 2003: 63–65].

Попытку обобщить результаты прошлых исследований и представить компромиссную интерпретацию путем локализации отдельных христианских сообществ на территории средневековой Боснии предпринял американский историк Д. Файн. В результате ему удалось «открыть» на территории Боснии накануне османского завоевания целых три независимые церковные общины — католиков на большей части собственно Боснии, а также представителей народной Боснийской церкви и православных, которые делили между собой земли Герцеговины [Fine 2007: 78–244].

Тенденцией, которая объединяет различные исследования западных авторов, посвященные проблеме происхождения и характера Боснийской церкви, является стремление рассматривать ее в контексте западных средневековых еретических движений, таких как катары и альбигойцы. Долгое время уделялось недостаточно внимания региональной специфике Восточной Европы. Изменения в этой области историографии наметились со второй половины XX в., когда зарубежные специалисты стали больше работать с южнославянскими источниками, а также учитывать ход научной дискуссии, которая уже давно велась по данному вопросу в историографии балканских стран.

Выводы

До введения в научный оборот в XIX в. славянских источников, которые раскрыли ранее неизвестные страницы истории Боснийской церкви, та в исторической науке представала обычно в виде еще одного ответвления ереси богомилов. Стимулом к изучению данного явления в истории средневековой Боснии стал набирающий силу национальный романтизм, желание разобраться в перипетиях исторических судеб боснийской земли и выяснить степень ее близости к православному либо католическому миру. Родоначальником интерпретации, согласно которой Боснийская церковь сложилась на основе местной Православной Церкви, хотя и подвергшейся влиянию еретиков-патаренов, выступил сербский историк В. Петранович. Ему оппонировал Ф. Рачки, один из столпов хорватской национальной историографии, считавший Боснийскую церковь изначально еретической. Дискуссия между приверженцами мнений Петрановича и Рачки легла в основу последующей дискуссии о происхождении и учении Боснийской церкви.

В дореволюционной российской историографии богомильский характер Боснийской церкви не подвергался сомнению, поскольку имелось обыкновение придавать богомильству большое значение в истории средневековой Европы. Одни авторы, такие как Н. С. Стеллецкий, считали богомильство корнем позднейших русских ересей. Другие — как Н. А. Осокин, напротив, считали богомильство проявлением свободолобивого славянского духа, провозвестником движения гуситов и западноевропейской Реформации.

Последняя интерпретация нашла продолжение в советской историографии, хотя в силу идеологического контекста этнические коннотации в ней

сменились на классовые: богомилство и Боснийская церковь в советской исторической науке считались движениями крестьянских масс, ведущих борьбу против феодальной зависимости. Тем не менее введение в научный оборот новых источников и знакомство с результатами зарубежных исследований после распада Советского Союза привели к открытию более сложного конфессионального ландшафта средневековой Боснии.

Долгое время преобладавшая в западной историографии дуалистическая интерпретация происхождения Боснийской церкви со второй половины XX в. стала отступать под влиянием постструктуралистских концепций. Современная зарубежная историография старается в большей степени учитывать славянские источники, а также работы балканских исследователей. Это открывает перспективу дальнейшего исследования темы истории представлений о средневековых еретических учениях с опорой на источники той эпохи, дабы проследить истоки взглядов, легших в основу различных исследовательских парадигм.

Источники

Живот Стефана Немање од Стефана Первовенчаног / Предео Башић М. // Старе српске биографије. Београд : штампарија «Макарије» А. Д. Београд-Земун, 1924.

Иванов Й. Богомилски книги и легенди / Под ред. Д. А. Ангелова. София : Наука и изкуство, 1970.

Орбини М. Царство Славян. Факты великой истории. Москва : Вече, 2015.

Vetera monumenta Slavorum meridionalium / Ed. A. Theiner. Romae, 1863.
Т. 1. No 11. URL: https://archive.org/details/bub_gb_XXtcAAAАсAAJ/page/n11/mode/2up (дата обращения: 19.11.2024).

Литература

Акимова О. А. Межконфессиональные отношения в Боснии (конец XIV–XV в.) // Славяне и их соседи. Москва, 1999. Вып. 7. С. 15–39.

Ангелов Д. А. Богомилство в Болгарии / Пер. Н. Соколова. Ред. и предисл. З. В. Удальцовой. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1954.

- Бромлей Ю. В. История Югославии. Т. 1. Москва : Изд-во АН СССР, 1963.
- Веселовский А. Н. Калики переходящие и богомильские странники // Вестник Европы. Кн. 4 (апрель). 1872. С. 682–722.
- Гечева К. Богомилството и неговото отражение в средновековна християнска Европа. Библиография. София : Гутенберг, 2007.
- Глушац В. Истина о богомилима: историјска расправа. Београд : Никола Пашић, 2004.
- Егоров С. О. Концепция «скрытой традиции» в историографии богомильства: генезис и интерпретации // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием / Под ред. Т. И. Морозова. Новосибирск, 2019. С. 4–12.
- Кухаренко В. Н. Историография истории церкви боснийской // Лістападаўскія сустрэчы — XIII. Минск, 2019. С. 183–186.
- Лейст О. Э. Общественно-политические взгляды богомилов как выражение революционной оппозиции против феодализма в средневековой Болгарии. Москва : Зерцало-М, 2009.
- Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени. Москва : АСТ, 2000.
- Петрановић Б. Богомили: Црква босанска и крстьяни. Историчка расправа. Задар : Печатња Демарки Ружјер, 1867.
- Соколов М. И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Москва, 1888. Вып. I.
- Стеллецкий Николай, прот. Болгарская ересь богомилов. Санкт-Петербург: Миссионерское обозрение, 1902.
- Brockett L. P. The Bogomils of Bulgaria and Bosnia. An attempt to restore some lost leaves of protestant history. Philadelphia : American Baptist Publication Society, 1879.
- Ćirković S. Bosanska crkva u bosanskoj državi, Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine // Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine. Sarajevo : Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine, 1987.
- Fine J. The Bosnian Church: It's Place in State and Society from the Thirteenth to the Fifteenth Century. London : Saqi Books, 2007.

- Rački F. Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost. Bogomili i Patareni. Beograd, 1931.
- Runciman S. The Medieval Manichee. A Study of the Christian Dualist Heresy. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
- Šidak J. «Crkva bosanska» i problem bogumilstva u Bosni. Zagreb : Izdanje Matice Hrvatske, 1940. Pp. 112–114.

References

- Akimova O. A. [Interfaith Relations in Bosnia (late 14th–15th centuries)]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and Their Neighbors]. Moscow, 1999, issue 7, pp. 15–39. (In Russ.)
- Angelov D. A. *Bogomil'stvo v Bolgarii. Per. N. Sokolova. Red. i predisl. Z. V. Udaltsovoi* [Bogomilism in Bulgaria. Transl. by N. Sokolov, ed. and preface by Z. V. Udaltsova]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1954.
- Brockett L. P. The Bogomils of Bulgaria and Bosnia. An attempt to restore some lost leaves of protestant history. Philadelphia : American Baptist Publication Society, 1879.
- Bromlei YU. V. *Istoriya Yugoslavii. T. 1* [History of Yugoslavia. Vol. 1]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963.
- Ćirković S. Bosanska crkva u bosanskoj državi, Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine // Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine. Sarajevo : Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine, 1987.
- Egorov S. O. [The Concept of “Hidden Tradition” in the Historiography of Bogomilism: Genesis and Interpretations]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Sbornik materialov Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod red. T. I. Morozova* [Actual Problems of Historical Research: The View of Young Scientists. Collection of Materials of the All-Russian Youth Scientific School-Conference with International Participation, ed. T. I. Morozov]. Novosibirsk, 2019, pp. 4–12.
- Fine J. The Bosnian Church: It's Place in State and Society from the Thirteenth to the Fifteenth Century. London : Saqi Books, 2007.

- Gecheva K. *Bogomilstvoto i negovoto otrazhenie v srednevekovna khristiyanska Evropa. Bibliografiya*. Bibliografiya [Bogomilism and its reflection in medieval Christian Europe. Bibliography]. Sofia, Gutenberg Publ., 2007.
- Glushats V. *Istina o bogomilima: istorijska rasprava* [The Truth about Bogomilism: Historical Reprisal]. Beograd, Nikola Pashiћ, 2004.
- Kukharenko V. N. [Historiography of the History of the Bosnian Church. *Listapadaŭskiya sustrehchy — XIII* [November Meetings — XIII]. Minsk, 2019. Pp. 183–186. (In Russ.)
- Leist O. ЕН. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady bogomilov kak vyrazhenie revolyutsionnoi oppozitsii protiv feodalizma v srednevekovoi Bolgarii* [Sociopolitical views of the Bogomils as an expression of revolutionary opposition against feudalism in medieval Bulgaria]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2009.
- Osokin N. A. *Istoriya al'bigoitsev i ikh vremeni* [History of the Albigensians and their time]. Moscow, AST Publ., 2000.
- Petranoviћ B. *Bogomili: Tsr'kva bosan'ska i kr'styani. Istorichka rasprava*. Zadar, Pечатnya Demarki Ruzhier Publ., 1867.
- Rački F. *Borba juŭnih Slovena za drŭzavnu neodvisnost. Bogomili i Patareni*. Beograd, 1931.
- Runciman S. *The Medieval Manichee. A Study of the Christian Dualist Heresy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
- Šidak J. «Crkva bosanska» i problem bogomilstva u Bosni. Zagreb : Izdanje Matice Hrvatske, 1940. Pp. 112–114.
- Sokolov M. I. *Materialy i zametki po starinnoi slavyanskoi literature. Vyp. I* [Materials and Notes on Old Slavic Literature. Issue I]. Moscow, 1888.
- Stelletsii Nikolai, prot. *Bolgarskaya eres' bogomilov* [The Bulgarian Bogomil Heresy]. St. Petersburg, Missionerskoe obozrenie Publ., 1902.
- Veselovskii A. N. *Kaliki perekhozhie i bogomil'skie stranniki*. [Itinerant Kaliki and Bogomil Wanderers]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1872, book 4 (April), pp. 682–722.